

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ
Ю. КОРЧЕВСКОГО**

**ТРИ РОМАНА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ**

КОРЧЕВСКИЙ
ЮРИЙ

СТРЕЛЯЙ!
«БОГ ВОЙНЫ»

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художник — *А. Соловьев*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Стреляй! «Бог войны» / Юрий Корчевский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 800 с. — (Фантастические бестселлеры Юрия Корчевского).

ISBN 978-5-699-87578-8

Наш человек на службе у русских царей и первого российского императора. Наш современник становится пушкарем Михаила Романова и бомбардиром Петра Первого. Зброшенный в самое пекло кровавых войн, «попаданец» осваивает почетное, но смертельно опасное ремесло «бога войны».

ПУШКАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО сметет ураганным огнем степные полчища и польских «крылатых гусар».

БОМБАРДИР ИЗ БУДУЩЕГО взламывает ядрами неприступные стены Азова.

ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД наводит ужас на врагов Отечества.

«БОГ ВОЙНЫ» стреляет без промаха!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87578-8

© Корчевский Ю. Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ПЛИ!

ПУШКАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО

Глава 1

ПЕРЕНОС

 Дежурство мое почти заканчивалось, беспокойное надо сказать. Слава богу, завтра ухожу в отпуск. Куда отправлюсь, еще не решил, но то, что дома оставаться не хочу, это несомненно.

В ординаторскую урологического отделения вошла Людочка, как всегда в накрахмаленном халатике и таком же чепчике, вся какая-то свежая и чистая, лучащаяся каким-то светом. Я всегда удивлялся: нестарый с собственной точки зрения мужик после суточного дежурства, а выгляжу помятым — отросшая щетина, синева под глазами, помятый костюм.

— Доктор, в приемный покой вызывают, «Скорая» кого-то привезла!

Господи, да уже шесть утра, чего же пару часов-то погонять не могли! Ладно, спустился и с бодрым видом зашел в приемное.

На кушетке лежал «браток», бритый, откормленный, как бычок, и с золотой цепочкой толщиной с большой палец вокруг необъятной шеи. Лицо бледно-серое, видно, хреновато «братану».

— Доктор, помоги! В долгу не останусь!

Да как же, при своих бы остаться. Начал осмотр. Язык суховат, обложен, живот при ощупывании болезнен в области правой почки. Похоже на почечную колику. Назначил анализы и пошел к себе в ординаторскую урологического отделения. Урология в нашем городишке маленькая, оснащена не бог весть как — спонсоров-то богатых нет, не Москва, чай.

Пока «братку» сделают анализы, надо записать историю болезни тяжелых больных, находящихся под наблюдением, — воз и маленькая тележка.

Сделал записи. Один из моих учителей по хирургии в бытность мою студентом в Ставропольском государственном медицинском институте говаривал: «Истории болезни пишутся для проверяющих комиссий и прокурора, запомните это и держите документы в порядке». Глупые и неопытные мы еще были, посмеялись — думали, шутка. Жизнь показала: дядька был прав.

Резко зазвонил телефон. Дежурный лаборант зашпанным голосом продиктовала анализы «братка». Да-а-а, вот уж не вовремя нелегкая его принесла. Если бы я тогда знал, как изменится моя судьба после знакомства с «братком». Обычная тактика при почечной колике: капельницы, баралгин, понаблюдать. Не всех же с камнями резать, тем более отпуск на носу. Я уже всех своих больных передал другим ординаторам и заведующему, а вот и он, легок на помине.

— Ну-с, как дежурство?

— Да более или менее спокойно, на двоих оформил выписки, одного с МКБ (для тех, кто не знает, — мочекаменная болезнь) в одиннадцатую палату определил.

Сдав документы и использованные ампулы от наркотиков, получив от сотрудников кучу наилучших пожеланий и советов, как отпуск провести, я отправился в кассу за отпускными — ага, закатай губы, кассирша посмотрела на меня, как на полоумного: «Нет денег, да и когда отпускные вовремя были?! После получишь, целее будут!» И захлопнула окошко. Вот ешкин кот, отпускные нужны-то до отпуска, а не после, я отложил кое-чего, но...

В некоторой прострации добрел до своего старенького «жигуленка»-«шестерки» и отправился в магазин, кушать-то надо. После развода с женой я холостяковал в доставшейся после раздела однокомнатной квартире, правда, ремонт в ней я сделал на уровне, так как комфорт и чистоту любил.

Открыв холодильник, сразу достал бутылочку запотевшего пива и блаженно развалился на диване. Хорошо-то как! Бессонница и усталость взяли свое, незаметно я провалился в объятия Морфея. И снился мне страшный сон — девушка в старинных одеждах, ратники в коль-

чугах и сверкающих шлемах, клыкастые чудовища. Пробуждение было неприятным: затекла левая рука и было ощущение какого-то шума. Звонил мобильник.

— Слушаю!

— Юрий Григорьевич, это Виктор Никитович беспокоит. Надо подъехать, посмотреть своего больного, его днем Федор прооперировал, а дежурантом сегодня молодой, мне домой сейчас звонил, паниковал, а Федора найти не можем.

Виктор Никитович — это наш заведующий отделением.

— Так, Виктор Никитович, я в отпуске уже числюсь, к тому же пивка глотнул, запашок есть.

Вот окунь скользкий, как бабки с больных брать, так он в отделении главный, а как делом заниматься, это пусть другие.

— Скажи адрес, за тобой подъедут.

Через полчаса у подъезда взревел гудок. Там стоял здоровенный «Ниссан Патруль» черного цвета с наглухо тонированными стеклами. Пришлось выходить. Дверь салона распахнулась, и я сел в машину.

Мама моя, вот это сарай! На таком только бревна возить: и проходимость будь здоров, и вместимость позволяет. За рулем и рядом с ним, на пассажирском сиденье, расположились два «братка», почти такие же бычки, бритые головы, челюсти, перемальвающие жвачку.

— Не бойсь, док, за беспокойство мы отбашляем, — сказал пассажир и протянул сто баксов.

Я немного поколебался, резонно предположив, что за вызов в период отпуска никто, никакой бюджет, платить не будет, и взял. От обоих «братков» крепко тянуло спиртным — я забеспокоился.

— Что переживаешь, док? — коротко хохотнул водитель.

— Менты все куплены, а в этом танке ничего не страшно, — добавил второй.

Я был несколько другого мнения, из-за плеча братка поглядывал на спидометр, который уже переваливал за полторы сотни.

Показался пост ГАИ и перед ним перекресток. Справа медленно приближались фары, «браток» еще чуть надавил на газ, пытаясь проскочить перекресток первым,

и это ему удалось, однако я с ужасом увидел буквально перед капотом джипа корму тракторной тележки, медленно влекомой «Беларусом». Сделать что-либо «браток» уже не успел, удар был ужасным, раздался звон стекла, хруст сжимаемого железа, треск досок прицепа и жуткий крик обоих «братков».

Очнулся я лежащим на траве с головной болью и ощущением, что меня долго били. Я медленно сел, подавляя рвотные позывы. Картина, окружающая меня, поплыла в сторону, и я снова упал без чувств.

Второй раз я очнулся, судя по всему, часа через четыре. Сильно хотелось пить, я попытался припомнить, как здесь оказался. Неужели с друзьями поехал на природу, упился как ежик и сморило в кустах? А где же компания, почему меня никто не хватился?

В голове медленно начало проясняться: «братки», гонка на джипе и удар. Ага, вот где меня, вероятно, выкинуло через окно. Сначала я поднялся на четвереньки, покачался и, с трудом приняв вертикальное положение, огляделся. Странно, а где же разбитый джип, трактор с прицепом и шоссе? Ведь перед аварией я ясно видел впереди, не больше чем в километре, пост ГАИ. Наверняка кто-то уже должен был сообщить о происшедшем.

Я подобрал свою сумку и начал выписывать концентрические круги, пытаясь определить, где шоссе и разбитый джип. В голове мелькнуло, что сейчас уже полдень, авария случилась вечером, не может же быть, чтобы и люди, и техника находились здесь так долго. Понимание этого несколько восстановило душевное равновесие. Я оглядел себя — видок еще тот: одежда выпачкана, а кое-где и порвана. Сделав окрест пару расходящихся кругов, пришло понимание чего-то странного. Авария произошла на улице, а шума оживленной магистрали не слышно, хотя в это время движение должно быть интенсивным. В душе зашевелился червячок страха, неуверенности, стало пусто под ложечкой. Может, бандюганы завезли меня подальше в лес, да и бросили? Зачем им это? Может, я уже в раю? Тогда почему в выпачканной одежде, да еще и с сумкой? Как я представлял себе этот рай — люди, а вернее уже не люди, должны быть в белой одежде. Тоже что-то не то. Не мудрствуя лукаво, пошел напрямик, имея в виду, что рано или поздно наткнусь

на тропинку, дорогу или жилище, а там сориентируюсь. Вокруг стоял березовый лес, редкий, просвечиваемый солнцем насквозь, весело чирикали птицы. Начинало пригревать, запах трав просто одурманивал. Наконец лес почти закончился, и на опушке я увидел узкую проселочную дорогу. Наконец-то! Пришлось топтать часа два. Я несколько раз глядел на часы, но время тянулось как-то медленно. Один раз попробовал позвонить по сотовому, но на экранчике высвечивалось «поиск сети», и елочки антенны не было. Решив, что станция сети далеко, попыток созвониться больше не повторял. Вдали послышался перестук колес, и навстречу, из-за поворота, показалась лошадка, запряженная в телегу, на которой восседал мужичок зрелого возраста с окладистой бородой. Я остановился — все равно встретимся.

Телега поравнялась со мной, мужичок натянул вожжи, и телега остановилась. Глядел мужичок настроенно, в телеге под рукой лежал топор. Конечно, рядом с лесом стоит неизвестно кто в грязной и местами драной одежде, незнакомый, а в деревнях все обычно друг друга знают.

Я поздоровался, как мог вежливо, мужик степенно ответил: «И ты будь здоров». Говор был какой-то странный. Я поинтересовался, далеко ли до города, и тут же услышал в ответ: «А до какого?» Это меня огорошило. Да ведь от моего родного города, где и произошла авария, километров сорок не было других городов!

— А какой ближе?

— Так до Касимова верст двадцать, а до Лашмы и более будет.

Я не мог сообразить, где это? Ближе двухсот-трехсот километров — таких точно не было, что за область-то?

Мужик, глядя на мою вытянутую физиономию, добавил:

— Рязанские мы.

Вот это ешкин кот! Это же верная тысяча километров от моего города и дома. Попросившись подъехать хоть до ближайшей деревни, уселся на подводу. Тряское оказалось средство передвижения, на всех корнях деревьев, выбоинах тряслась и подпрыгивала так, что скакали кишки. Глянул на часы и, заметив удивленный взгляд мужика, брошенный искоса, спросил:

- А день-то какой?
- Знамо дело, среда.
- А месяц?
- Травень.
- А год?

— Семь тысяч сто двадцать первый от сотворения мира. — Мужик перекрестился.

Если бы я не сидел на телеге, точно упал. Дико вытаращившись на мужика, я ожидал усмешки от неудачной шутки, а глаза шарили в поисках подтверждения по одежде возницы. Учítывая, что в мое время нестоличные жители одевались с рынков, где было в основном китайское и турецкое барахло, на ямщике не было вещей с молниями и заклепками, не было часов, не было туфель, а сапоги короткие, черные, с подошвой без каблука.

За плавным изгибом дороги, которая огибала лесной мысок, показалась деревня. Я жадно вглядывался, ища зримые признаки цивилизации: остовы брошенной сельскохозяйственной техники, линии электропередачи с проводами, телевизионные антенны. Ничего этого видно не было. Нехорошее предчувствие холодной змеи заползло в душу, под ложечкой сделалось пусто.

Похоже, мужик не шутил.

Тряхнув бородой в сторону деревни, мужик промолвил:

— Вот и весь, Пашутино прозывается, боярина Ашуркова.

Мне никак не верилось в то, что вижу и слышу. Я попробовал снова включить сотовый. «Сименс» исправно выдал — «подтвердите включение», а дальше поиск сети и все — никакой сети и не было.

— Слышишь, мужик, а переночевать-то здесь можно где?

— Так постоянных дворов нету здесь, токмо в городе, но ежели заплатишь за постой, у меня остановись.

Хорошо сказать — заплатишь, а чем? Я начал рыться в карманах — российские монеты, бумажные деньги, даже сто долларов от «братков» были, но ничего более ценного, хотя бы на обмен, не было. Господи, да как же здесь жить и на что? И как я сюда попал и как вернуться до-

мой — там квартира, работа, машина, друзья и мама. Голова раскалывалась от множества мыслей, версий всего происшедшего и поиска выхода. Выхода пока не находилось. Одно пока радовало — я на территории Руси. Но время — это же четыреста лет тому назад. Хорошо ремесленнику, столяру, кузнецу, сапожнику, а я, кроме как лечить, почти ничего не умею. Ну разбираюсь немного в электронике — на уровне продвинутого пользователя, но кому это здесь надо? А если заняться своим любимым делом, как быть с аппаратурой — чем обследовать, чем лечить, наверняка и аптек здесь нет, а многие ли врачи могут похвастать знанием трав?

Какие здесь могут быть УЗИ, рентген или предоперационное мытье рук по Спасо-Кукоцкому?

Вопросов много, ответов пока нет. Меж тем мы въехали в деревню, состоящую из одной кривоватой улицы и полутора десятков деревянных домов. На улице бегали куры, детвора в рубашонках, медленно шел мужичок с оглоблей на плечах. Похоже, моя личность вызывала большой интерес: из-за плетней высунулись женские головы в платках, мужик с оглоблей остановился, провожая взглядом, дети замерли, разинув рты и ковыряя в носу. Вот уж такого любопытства к своей персоне я не ожидал, да и не хотел.

Подъехали к воротам, крестьянин отпер ворота, завел лошадку с телегой во двор, распряг не спеша. Все это время я стоял во дворе и глазел вокруг. Из дверей выглянуло женское личико и тут же скрылось.

Они зашли в избу, двери были низкие, и я успел приложиться с непривычки лбом о притолоку. Вошедши, мужик перекрестился на образа в красном углу, я повторил, потому что был крещеным и носил крестик, хотя в церкви бывал изредка, отчасти потому, что решил со своим уставом в чужой монастырь не ходить и приглядываться к окружающим.

— Вот, хозяйка, принимай гостя! Звать-то тебя как, милай?

— Юрий, Юрий Григорьевич.

— А меня Федор, по батюшке Кузьма. Ты не из раскольников? А то смотрю, лицо у тебя голое, а на образа все же крестишься...

— Да нет, православный. — Я вытянул из-за ворота крестик.

— Одежа у тебя тоже ненашенская, — хмыкнул мужик.

Я не нашел что ответить, хотя Федор, похоже, ответа не очень-то и ждал. Ну одежда такая у человека, так ведь один в сапогах ходит, а другой в лаптях по достатку.

— Хозяйка, на стол собирай, проголодались мы!

Из-за печки вышла дородная загорелая женщина в платке и линялом сарафане, неся чугунок, затем принесла хлеба, кувшин с квасом, огурцы, блюдо с творогом и сметаной. Перекрестившись, сели, и тут выяснилось, что у меня и ложки с собой нет.

— Да как же ты без ложки в дорогу-то? — подивился Федор.

— Потерял, — соврал я, не объяснять же ему про двадцать первый век и все остальное. Ему такое бы сказали — не поверил.

В горшке оказалась гречневая каша, хозяин дал деревянную ложку, и все лазили туда по очереди. Никогда не думал, что гречневая каша может быть такой вкусной, обычно в больничной столовой это было нечто сухое, не лезло в рот, да и бывшая жена готовила не лучше. Квасок оказался ядреным, щипавшим язык. «Из репы», — пояснила хозяйка, довольно прохладно. Насытившись, я отвалился на стену, чувствуя сытость в животе и нарастающую усталость.

— А вещи твои где? — спросил хозяин.

— Да в телеге сумка.

Я сходил во двор к телеге и принес свою сумку. Заодно решил переодеться в спортивный костюм, а свою одежду постирать. Но постирать мне не дали — хозяйка взяла одежду и бросила в корыто с водой, оба с удивлением смотрели на бело-синий костюм, а хозяйка подошла и пощупала.

— Гладкий какой и скользкий, шелковый, что ли?

— Ага. — Что мне еще можно было им ответить.

Хозяин отвел меня на сеновал, кинул на душистое сено какую-то дерюжку, пожелал счастливо отдохнуть и удалился. Я завалился на дерюжку, кое-как стянул с себя туфли и немедленно отрубился.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОФЕССИИ

Проснулся от крика петуха, никогда ранее не пробуждался таким образом, посмотрел на часы — времени четыре часа утра, спать бы да спать. Покрутился на своем ложе, да уснуть снова не смог, думки одолели.

И первейшая из них — как рассчитаться с хозяином за ночлег и еду, вчера я как-то обошел этот вопрос, хотя Федор недвусмысленно сказал об оплате за постой. Да и дальше вопрос о еде и жилье решать надо. Так и крутился, пока не услышал во дворе стуки да бряки, посветлело в щелях дощатого сеновала, пора и выбираться.

Я спустился по хлипкой лестнице, Федор уже ходил по двору, в бороде застряли мелкие соломинки, и рубашка была мокрой от пота. Наверное, управлялся с живностью. Мужичок кивнул на колодец, поди, мол, ополоснись. Вода оказалась на удивление холодной, чистой и вкусной, не как из городского водопровода. Обмывшись по пояс и вдоволь напившись, я подошел к Федору и, поблагодарив за приют и ужин, виновато сказал:

— Федор, вот какое дело, денег у меня нету.

— Дык как это, вона рубашка и портки больших денег стоят, а за постой отдать не можешь. Ты по жизни чем кормишься-то?

— Врач я. — Федор глянул непонимающе. — Лекарь, — уточнил я. Тоже мне, дубина, не мог сообразить, что и слова такого здесь, наверное, еще нет.

Лицо у Федора немного просветлело, затем опять нахмурилось:

— Плохой, что ли?

— Почему плохой, — обиделся я.

— Так ведь у хорошего всегда деньги есть.

— Получилось так, — пробурчал я.

Стыдно было, хоть провались. Никому не покажешь свой диплом, да и не поймут ничего.

— Слушай, лекарь, у соседки пацаненок ногу подвинул, ты бы глянул. — И уже через плетень: — Агафья, ты жива там? Как твой малой, с ногой как?